

— Верно, каждый живет за закрытой дверью, кто знает, как у кого.

— Цин-гэр тоже молодец, в будущем будет держать Чжэцзы в ежовых рукавицах.

— Сильный — это хорошо...

Многие так рассуждали, и некоторые старики считали, что Лю Яоцин слишком непочтителен к старшим, но они смелели только в мыслях. А скажи вслух — кто-нибудь обязательно возразит:

— А ты попробуй, пусть сын дома нежится, а сам до смерти пашь!

Виноват больше всех был Лю Цюаньфу, но старик Лю и Ли-ши баловали его с детства, и сельчане даже не считали это чем-то диковинным, знали только, что судачили о Лю Яоцине. Сами принципы тут изначально были кривые.

В этот день в деревню на полном скаку въехал всадник, спрашивая у всех дорогу к Лю Яоцину.

Добравшись до дома Лю, он как раз застал Лю Яоцина и Чжэцзы-гэ, греющихся на солнце во дворе. Временами свободных не было, и Лю Яоцин стоял у двери своего дома, чтобы Лю Цюаньфу не пошел сплетничать с Лю Цюаньцинем.

— Хе-хе, готовьтесь, принимайте императорский указ, — сказал прибывший, которым оказался уездный начальник Ду. — Чиновник с указом сзади.

Без объяснений уездного начальника Лю Яоцин понял: дело касается картофеля.

Такая вещь действительно стоила того, чтобы император издал указ. Однако то, что заслуга не была украдена, а картофель не назвали чужим, заставило Лю Яоцина думать, что хороших людей всё же много.

Хотя они и разделились, жили они вместе, и все домочадцы, и родные, и нет, вышли, переодевшись в новую одежду, в ожидании.

Лю Цюаньциня вынесли вперед, перед ним стояли Лю Яоцин и Чжэцзы, так как в указе говорилось, что принимать его должны они вместе.

Чиновник, везущий указ, был белолицым, безбородым, слегка худощавым, в одежде, которую могли носить только придворные евнухи. Стоя в крестьянском дворе, он выглядел величественно, степенно и с оттенком высокомерия.

Выслушав торжественную речь нараспев, Лю Яоцин мало что понял, уловил только «Циньцы» в конце и фразу «наградить серебром сто лянов».

Поблагодарив за милость и приняв указ, Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ встали и переглянулись: оба не поняли смысла указа, лишь уловили, что будет награда серебром. Настоящие неграмотеи — ни одного сложного слова не поняли, что показалось чиновнику весьма забавным.

В пьесах и спектаклях, что видел раньше, Лю Яоцин помнил, что вручающим всегда давали серебро. Сейчас подготовленного не было, зато в комнате остался непочатый кувшинчик с вином из диких ягод размером с ладонь, взятый у Чжэцзы-гэ.

Вбежав в комнату и вынеся кувшин, Лю Яоцин смущенно сказал:

— Дома ничего хорошего нет, только это, примите, пожалуйста.

Лицо чиновника, во время чтения указа серьезное, сейчас вдруг расплылось в улыбке, он весело принял кувшин:

— Тогда наш дом принимает.

Не задерживаясь, он сразу уехал.

Вслед за ним уездный начальник Ду тоже ускакал на лошади. Если бы не лежащий там желтый императорский указ, всё это показалось бы сном за сто дней.

Старик Лю был так взволнован, что старые глаза его были полны слез, но подойти поговорить с господином он не смог: во-первых, серебра подать не было, во-вторых, возможности не представилось — господин приехал и уехал слишком быстро.

Похоже было... будто специально ждал, когда Лю Яоцин даст кувшин, и уехал.

— Надо в храм предков идти, поклониться предкам, — вздохнул старик Лю. — Сколько лет семья Лю... теперь слава рода зависит от... — Он не договорил «от Цин-гэра», вдруг вспомнив, что третья ветвь давно отделилась и в родословной книге числится отдельным домом.

— Чжэцзы-гэ, иероглифы сверху очень красивые, — Лю Яоцин держал серебряный слиток, бережно указывая на отлитые на нем иероглифы «казенной чеканки».

Чжэцзы-гэ, по-прежнему улыбаясь, смотрел на красивое лицо Лю Яоцина, даже не глядя на брошенный на кан указ и белоснежное серебро:

— Цин-гэр, у нас теперь есть деньги.

— Угу, много-много, — Лю Яоцин бережно гладил и гладил.

Получение указа для Лю Яоцина, хоть и было большим событием, не вызвало слез умиления, так как его кругозор отличался от других. Но и Чжэцзы-гэ был спокоен, что было весьма редким явлением.

Лю Яоцин был слишком рад, чтобы заметить это, а снаружи собралась толпа любопытных, и надо было выйти принять их.

— Чжэцзы-гэ, давай угостим сельчан обедом? — Поразмыслив, Лю Яоцин придумал только это. Получив указ, возможно, император вообще не запомнит два имени в нем, а просто отмахнулся, и сто лянов награды — сумма, которую ему не стоит и запоминать. Но в деревне Шангу это был первый случай, и статус Лю Яоцина и Чжэцзы с этого момента сильно изменился.

Когда на горе строили дом, многие сельчане работали, и в полдень их кормили. Теперь же Лю Яоцин хотел накормить всю деревню — масштаб был просто побольше.

Приглашенные помочь женщины имели опыт: овощи и мясо купили — сразу засучили рукава.

Снаружи столы были расставлены заранее: от дома Чжэцзы и до подножия горы, непрерывной лентой.

Старик Лю хотел устроить праздник в доме Лю, но Лю Яоцин тогда сказал:

— Только дядя снова испортит всё, и позор дойдет до самого Его Величества, — и отрезал.

Старик Лю от злости дома не вышел, а Лю Цюаньфу побежал к дому Чжэцзы.

Пегая лошадь, запряженная в повозку, цокая копытами, въехала в деревню, сначала остановилась у дома Лю, потом цок-цок до дома Чжэцзы. Увидев суету снаружи, лошадь испугалась, решив, что ошиблась дорогой.

Эр Ха и Хэйбэй выбежали, лошадь фыркнула, подумав: такой умный, как она, как может ошибиться.

Гао Фугуй спустился с повозки. Хотя все еще худой, на лице появился румянец, походка перестала шататься, и он выглядел лучше, чем раньше, раз в десять.

На языке городка это означало:

— Вино «Нектар небожителей» потихоньку вытащило Гао Фугуя из земли, дало ему заново родиться человеком.

Ежедневная маленькая чашка «Нектара небожителей» питала тело, и нынешний Гао Фугуй был совсем не тем, что раньше. Он сам был ходячей вывеской: те, кто слышал о «Нектаре небожителей», достаточно было одного взгляда на него, чтобы понять — вино не пустое название, это настоящий настой небожителей.

— Ого, столько вкусняшек, — Гао Фугуй вошел в дверь, увидел таз за тазом еды и улыбнулся.

— Присоединяйся, кушать вместе, — позвал Лю Яоцин.

— Цин-гэр, томатный соус просто... невероятен, — Гао Фугуй покачал головой, сел, увидел, что на столе нет «Нектара небожителей», пить не стал, взял палочки и начал есть. — В окружном городе сейчас за тысячу золотых не купишь!

Некоторые торговцы возили лепешки в окружной город, но они из грубого зерна, богатые там едят муку тонкого помола. Лепешки ели ради редкости, но жесткие они, лучше вернуться домой и самим испечь мягкие паровые булочки.

А вот томатный соус — другое дело. Вещь редкая, дорогая, да еще и со слухами ходит.

Как раз Гао Фугуй повез томатный соус в окружной город и наткнулся на слугу, закупающего продукты для хозяйки. У той хозяйки была беременность, ела всё и сразу рвала, лицо было как у полыни, муж встревожился, приказал купить всё редкое и обычное, лишь бы жена ела, не глядя на хорошее или плохое.

В то время томатный соус был дорогим, но очень редким, слуга тоже был решительным, стиснул зубы и купил.

Так как был первым покупателем, Гао Фугуй был в хорошем настроении и рассказал ему, как жарить с томатным соусом. Слуга вернулся и рассказал.

И что же?

Хозяйка, только стоило paired с кислым-сладким томатным соусом, ела что угодно с аппетитом, лицо быстро поправилось, плод в утробе наконец перестал быть в опасности. Хозяин тут же приказал купить весь томатный соус, что был у Гао Фугуя.

Но у Гао Фугуя соуса было немного, и он знал, что у Лю Яоцина больше не будет на продажу,

так что продать всё не мог, уговорил-таки продал десять бамбуковых трубок.

Но польза томатного соуса всё-таки разошлась, беременные, богатые и бедные, покупали попробовать, небеременные, слыша любопытство, тоже покупали попробовать.

Странная кислота, незаметная сладость, есть хочется, всё тело расслаблено — через несколько дней томатный соус был раскуплен.

— Хорошая вещь, дома на меня ругаются, что себе не оставил, теперь хочу и не достать, — Гао Фугуй ел, качал головой, маленькие глазки постоянно косились на Лю Яоцина.

<http://bllate.org/book/16688/1531934>